

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

© 2020 г. В. Наумкин, В. Кузнецов

НАУМКИН Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, академик РАН,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (director@ivran.ru).

КУЗНЕЦОВ Василий Александрович, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (vasiakuznets@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 03.04.2020.

Статья посвящена проблеме типологизации негосударственных акторов (НГА) на Ближнем Востоке. Соглашаясь с исследователями, считающими рост влияния НГА в мировой политике общим трендом, авторы разбирают существующие подходы к их типологизации и приходят к выводу, что в целом они не соответствуют эмпирической реальности, с которой сталкиваются исследователи-ближневосточники. На основании известной типологизации Ф. Тейлора авторы разрабатывают свою собственную, вводя в нее такие критерии, как отношение НГА к государству по функциям, государствоориентированность, цели деятельности, система управления. При этом практика деятельности и степень использования насилия рассматриваются ими как избыточные критерии.

Ключевые слова: негосударственные акторы, Ближний Восток, исламизм, региональные отношения на Ближнем Востоке.

DOI:10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113

В последние годы проблеме негосударственных акторов (НГА; *non-state actors*, *NSA*) и их роли как в региональной, так и в глобальной политике уделяется довольно большое внимание в академической литературе [1; 2; 3; 4; 5] и в прикладных исследованиях [6; 7]. Вместе с тем методологические вопросы, связанные с типологизацией этих игроков, остаются все еще недостаточно проясненными. В настоящей статье предпринимается попытка предложить типологизацию негосударственных акторов, основываясь преимущественно на ближневосточном материале.

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Большинство исследователей, изучающих феномен негосударственных акторов, основываются в своем анализе прежде всего на западном материале. Однако каждый специалист, профессионально занимающийся ближневосточной проблематикой (и Востоком вообще), довольно быстро замечает, что привычные для европейских или американских исследователей представления о сущности негосударственных акторов не вполне адекватны той реальности “на земле”, с которой он сталкивается. Спекуляции на тему сходств и различий между, с одной стороны, ДАИШ/ИГИЛ или Ассоциацией “Братьев-мусульман” (БМ)¹, а с другой — крупными транснациональными корпорациями (ТНК), такими как *Shell* или *Exxon Mobil*, международными

неправительственными организациями (МНО) наподобие *International Crisis Group*, мощными медиа-корпорациями вроде “Аль-Джазиры”, вероятно, возможны [8], однако даже на интуитивном уровне понятно, что все подобные структуры имеют между собой гораздо больше различия, нежели сходства. Более того, далеко не факт, что они отличаются от национальных государств больше, чем друг от друга. Поэтому отнесение всех их скопом к одной категории НГА представляется, по меньшей мере, некорректным.

Тема негосударственных акторов начала привлекать внимание специалистов по международным отношениями в 60-е годы прошлого века, когда увидели свет ставшие известными работы Арнольда Уолферса (“Акторы в мировой политике”), Джона Бертона, Джеймса Розенау [9, р. 23; 10; 11; 12] и, наконец, Джозефа Ная и Роберта Кохейна, небольшое эссе которых — “Транснациональные отношения и мировая политика” [13] — оказалось этапным в изучении вышеназванного феномена.

В 1990–2000-е годы тезис о снижении роли государственных акторов и роста влияния негосударственных разделялся большинством исследователей [5, с. 260]. Но при этом не было выработано четкой типологизации негосударственных участников международных отношений. Отчасти решению проблемы могло помочь предложенное профессором М. М. Лебедевой переосмысление акторства. В рамках данного дискурса она выделила

¹ Законодательно запрещенными в России.

ключевые тенденции развития мировой политики, в том числе: резкий рост транснационализации; гибридизацию акторов и переплетение их функций; кардинальные изменения в государствах, означающие расслоение ресурсного потенциала и формирование новых ресурсов (образовательного, гуманитарного и т.п.); расслоение государств по отношению к Вестфальской системе (довестфальские – Сомали, вестфальские, поствестфальские – ЕС); развитие феномена трансгосударственности (самостоятельное взаимодействие министерств и ведомств разных стран); появление новых феноменов, демонстрирующих акторность негосударственных структур и организаций; быстрое образование новых акторов [14].

Предложенный М.М. Лебедевой анализ, будучи сам по себе весьма полезным для решения вопроса о типологизации НГА, все же не давал возможности адекватно охарактеризовать их. Представленные ею рассуждения лишь подтверждали уже известные факты, а именно то, что негосударственные акторы на самом деле существуют, играют все более значимую роль и становятся все более разнообразными.

Если обратиться к работам, авторы которых все же предпринимали попытку хотя бы частично типологизировать НГА, нетрудно заметить, что предлагаемые ими модели основываются на трех ключевых идеях.

Во-первых, НГА в большинстве случаев определяются апофатически по их отношению к государству – как нечто, государством не являющееся [13, р. 329]. Источник этого подхода – долгое время едва ли не безраздельно господствовавшая в науке о международных отношениях реалистическая парадигма, ставившая государство в центр системы международных отношений. Следствием такого взгляда на мир становится стремление рассматривать негосударственных акторов не изнутри, на основе серьезного изучения присущих им свойств, а исключительно в соотношении с государствами.

Наверное, было бы полезно поставить вопрос о том, насколько возможно создание такой типологизации акторов мировой политики, в которой государство было бы лишь одним из возможных игроков, а сама типологизация основывалась бы на гораздо более общих критериях, чем это принято сегодня. В то же время вполне очевидно, что государствоцентричный подход к проблеме типологизации НГА основывается не только на академической традиции, но и на признании того очевидного факта, что они сами определяют себя и выстраивают свое поведение, так или иначе ориентируясь на государство, при этом считая себя либо чем-то большим, чем оно, либо альтернативой ему, либо чем-то меньшим.

Во-вторых, НГА понимаются прежде всего как субъекты международных отношений, одним из базовых принципов которых является жесткое разделение внутренней и внешней политики.

Не случайно в качестве следствия этих двух подходов выдвигается условие: негосударственный актор должен быть транснациональным, иначе говоря, он должен действовать, как минимум, в двух странах. Дж. Най и Р. Койхейн, правда, отмечают, что транснациональность не означает геоцентричность и большинство транснациональных игроков так или иначе связаны с теми или иными государствами: “Организация становится геоцентричной, когда состав ее руководства и паттерны ее поведения указывают на то, что она утратила какую-либо связь с тем или иным государством” [13, р. 336; 15, р. 20].

При том что деление негосударственных акторов на государствоцентричные и геоцентричные само по себе может быть весьма продуктивным (к чему мы еще вернемся), исходный тезис здесь представляется все же ошибочным. Жесткое отделение внутренней политики от внешней, по сути, означает, что в рамках исследования международных отношений нас должно интересовать лишь внешнее поведение акторов, а не процессы, происходящие внутри них. Соответственно, ключевой вопрос здесь состоит в том, кого именно следует считать актором. Выделение наравне с государствами негосударственных игроков подталкивает нас к мысли, что и те и другие должны рассматриваться как “агенты обществ”. Следовательно, отделение внутреннего от внешнего не должно означать исключение внутривнутриполитических процессов из нашего анализа. Учитывая наблюдающееся в последние годы все большее взаимопроникновение внутренней и внешней политики, такой взгляд на вещи кажется вполне логичным. В результате мы приходим к выводу, что НГА могут действовать как в одном, так и в нескольких государствах, должны обладать определенной самостоятельностью и быть способны взаимодействовать с другими акторами – и государственными, и негосударственными.

В-третьих, НГА должны обладать некоей организационной структурой и преследовать определенные цели [15, pp. 23–24]. Американские исследователи Джина С. Лайгон и Майкл К. Логан, рассматривая, правда, исключительно феномен насильственных, или вооруженных, негосударственных акторов (ННГА или ВНГА; *violent non-state actors, VNSA*), предлагают определять уровень сложности их организационной структуры, ориентируясь на три параметра [16], а именно степень централизации, формализации и специализации деятельности. Однако последняя, как мы далее увидим, может больше говорить о целях организации, нежели о ее структуре.

В целом высокая степень централизации в принятии решений и соответственно стремление к выстраиванию внутренних иерархий характерны для более сложных систем. Однако по мере роста масштабов деятельности и диверсификации видов этой централизации расширившийся топ-менеджмент организации зачастую оспаривает полномочия у лидера, одновременно делегируя оперативное управление ее деятельностью на более низкие уровни, результатом чего становится децентрализация. Кроме того, сложные организации стремятся к большей формализации своей деятельности посредством введения специальных правил, процедур, символики и т.п. [16]

Чисто теоретически наличие развитой организационной структуры должно обеспечивать способность игрока добиваться своих целей. Проблема, однако, состоит в том, что чем более сложна его организация и чем более диверсифицирована его деятельность, тем более разнородными, а порой и внутренне противоречивыми становятся его цели. В результате в самых сложных случаях, к каковому, в сущности, относится национальное государство, вопрос о целях существования вообще не может быть решен однозначно.

На основании выделенных принципов различные авторы предлагают в целом схожие типологизации негосударственных акторов. Одним из лучших примеров может служить та, что была описана Филиппом Тэйлором еще в 80-е годы прошлого века, от которой мы будем в значительной степени отталкиваться в дальнейшем.

В ее основе лежит разделение всех НГА на межправительственные и неправительственные; веду-

щие свою деятельность в рамках одного региона или на глобальном уровне; специализирующиеся в одной или другой области.

Немалый срок – почти 40 лет, прошедшие со времени публикации книги Тейлора, – обычно предопределяет необходимость обновления и переосмысления любой теории, наряду с высказанными еще до ее появления соображениями, ставившими под сомнение фактически каждый из лежащих в ее основе принципов, заставляют внести в эту теорию существенные коррективы, дополнив его типологизацию новыми параметрами (табл. 1).

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ ДЛЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Исходя из всего вышесказанного, нам представляется целесообразным провести типологизацию негосударственных акторов, основываясь на четырех ключевых параметрах.

Параметр 1-й. Соотношение с государством по функциям. Поскольку все НГА мыслятся прежде всего как нечто, не являющееся государством, неизбежно возникнет вопрос, каким образом эти структуры с ним соотносятся. Представляется, что они могут быть чем-то большим, чем государство, иначе говоря – надгосударственными акторами (НГА2; *suprastate, SSA*), чем-то альтернативным ему (АГА; *alterstate, ASA*) или чем-то меньшим, подгосударственным (ПГА; *substate, SSA2*). Обладая самостоятельностью, они могут поддерживать с государством партнерские, нейтральные или враждебные отношения.

Таблица 1. Типологизация негосударственных акторов по Ф. Тейлору

		Экономика	Безопасность	Политика	Культура/идеология
Международные правительственные организации	Надрегиональные	ОПЕК ГАТТ ОЭСР СІРЕС	НАТО СБ ООН		Исламский совет
	Региональные	АСЕАН Андское сообщество ECOWAS	Багдадский пакт Тихоокеанский пакт	АС Совет Европы	ЛАГ Северный Совет
Международные неправительственные организации	Надрегиональные	Shell IBM GM Exxon	Int. Labor Unions	Международная организация труда	Международная амнистия МОК Международная Хельсинская федерация по правам человека
	Региональные	Союз арабских торговых палат	Лига защиты евреев IRA Ulster Protestant Vanguard	ООП	Ибо Баски Курды Азербайджанцы Пуштуны

Составлено по: [15, p. 22].

Соответственно НГА2 могут подразделяться на наднациональные (ННА, или *supranational*, *SN*), межправительственные (МПА, или *IGO*), неправительственные (МНПА, или *INGO*) или антисистемные (АС, или *AS*).

Похоже, единственным примером первых из этих категорий в мировой практике является ЕС, интеграционный опыт которого до сих пор никем повторен не был. На Ближнем Востоке в направлении заимствования этого опыта какое-то время развивался Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), результатом чего стала бродившая некогда в умах арабских лидеров идея его превращения в Союз [17]. На декларативном уровне эта идея сохраняется и сегодня [18], однако в ближайшие годы о ее реализации, по всей видимости, придется забыть. Помимо существующих проблем в межгосударственных отношениях среди монархий Залива, ключевым препятствием для реализации подобных планов становится высокая степень персонификации власти и суверенитета в государствах – членах ССАГПЗ (как и в арабских государствах в целом) [19, pp. 4-5] и их неготовность ими поступиться. Кроме того, неудачи, сопровождающие в последние годы деятельность ЕС, снижают мотивацию к повторению его опыта.

Традиционно межправительственные акторы (МПА, или *IGO*) в международных отношениях составляют чрезвычайно многочисленную группу. К ним относится основная часть международных организаций, членами которых являются национальные государства. Если наднациональные структуры теоретически обладают известной самостоятельностью и элементами суверенитета, то МПА практически полностью зависят от государств-членов. Тем не менее в ряде случаев, как, например, с ООН, они могут считаться независимыми игроками мировой политики. Помимо уже упомянутого ССАГПЗ на Ближнем Востоке, к ним относятся ЛАГ, Союз Арабского Магриба (САМ), а также Организация исламского сотрудничества (ОИС), которая, хотя и не является ближневосточной региональной организацией, все же включает в себя подавляющее большинство государств этого региона. Глубокая зависимость всех этих структур от национальных государств, отношения между которыми сопровождаются многочисленными и порой весьма острыми конфликтами, сделала их фактически недееспособными – достаточно напомнить, что последний саммит САМ состоялся в 1994 г.

Несколько большую роль могут играть неправительственные структуры надгосударственного уровня – МНПА, или *INGO*. К ним могут относиться как разнообразные ТНК, так и международные гуманитарные и экспертные организации.

Наконец, специфическим ближневосточным феноменом могут считаться надгосударственные антисистемные игроки, деятельность которых направлена на принципиальное уничтожение существующего мирового и регионального порядка. Яркие их примеры представляют собой запрещенные в России “Аль-Каида” (до 2001 г.) и ДАИШ/ИГИЛ, если рассматривать его не как территориальное образование, а как некий глобального масштаба проект.

Несмотря на то что в регионе можно найти примеры надгосударственных акторов почти всех типов, очевидно, что их роль в региональной и глобальной политике остается все же в той или иной степени маргинальной.

Несколько иначе дело обстоит с АГА, или *ASA*, – игроками, рассматривающими себя как некую альтернативу существующим государствам. Условно они могут быть разделены на три категории.

Во-первых, это протогосударственные образования, представленные освободительными или сепаратистскими движениями, с той или иной мерой эффективности контролируемые определенные территории. Самые известные примеры составляют ООП в частично признанном международным сообществом Государстве Палестина на Западном берегу Иордана, ХАМАС в секторе Газа, Иракский Курдистан, “республика” Рожав на севере Сирии в период ее фактической независимости [20; 21] и т.п.

Во-вторых, это революционные организации, стремящиеся к смене политического режима или к принципиальному изменению политической системы того или иного государства. Сегодня почти сошедшие с ближневосточной политической арены, некогда именно они формировали ее облик: национально-освободительные движения поздней эпохи колониализма; различные организации арабских националистов; организации, выступающие под исламскими лозунгами; действовавшие в подполье коммунистические партии; ультралевые движения.

Наконец, в-третьих, речь может идти об антисистемных движениях, борющихся, однако, не с системой международных отношений как таковой, но с самой концепцией национального государства. К ним могут быть отнесены конкретные территориальные ипостаси ИГИЛ, координационные комитеты деревень Кабилии (иначе – Координация ‘*араши*, *даира* и коммун – *CADC*) [22] и т.п.

Что же касается субгосударственных, или подгосударственных, акторов, то они, в отличие от НГА2 и АГА, не противопоставляют себя существующим государствам, а, признавая их существование, действуют как бы в их тени. Как и пре-

дыдущие, они не гомогенны. Их можно довольно уверенно разделить на две группы.

К первой относятся транснациональные структуры, различные элементы которых действуют в разных странах, или же прочно между собой связанные организации, действующие в отдельных государствах. Примерами этих субгосударственных транснациональных акторов могут считаться Ассоциация “Братьев-мусульман”, партия “Хизбалла” в Ливане и движение “Ансарулла” в Йемене, запрещенная в России “Хай’ат Тахрир аш-Шам” (ХТШ – бывшая “Джебхат-ан-Нусра”, рассматриваемая как сирийская ветвь также запрещенной “Аль-Каиды”) и т.д. Однако помимо них к этой же категории могут относиться и различные правозащитные, гуманитарные и экспертные организации, действующие в отдельных странах.

Во вторую категорию ПГА входят локальные объединения, не имеющие глобальной или региональной повестки дня, однако фактически действующие независимо от конкретного государства или вопреки ему и имеющие связи с другими подобными организациями или государствами. Среди них – многообразные как шиитские, так и суннитские и христианские милиции (в Ираке, Сирии, Ливии) [23; 24], сами полевые командиры (*warlords*), некоторые криминальные группировки, которые, впрочем, могут относиться и к предыдущей подгруппе.

Распределение различных негосударственных акторов по предложенному принципу показывает несколько важных особенностей региональной политики.

Легко заметить, что степень влияния на региональную и глобальную повестку дня негосударственных акторов на Ближнем Востоке обратно пропорциональна уровню их отношения к государству. Иначе говоря, надгосударственные акторы определяют ближневосточную политическую реальность в наименьшей степени, а субгосударственные/подгосударственные – в наибольшей. При этом нужно учитывать разницу в степени зависимости НГА от внешних сил – как государств, так и других НГА. К примеру, движение ХАМАС в Газе в финансовом отношении сильно зависит от Катара, оказывающего ему щедрую поддержку, а в плане экономики и безопасности – от Египта, который контролирует границу между ними, и Израиля, осуществляющего в течение довольно длительного времени блокаду Газы.

Заметно, что некоторых игроков можно с успехом отнести к разным категориям. Иногда это объясняется лишь дефицитом информации или множеством существующих интерпретаций. Такова ситуация с вышеупомянутой “Хай’ат Тахрир аш-Шам” в Сирии. В то время как подавляющее

большинство экспертов рассматривают ее как отделение “Аль-Каиды”, часть из них склонна считать эту группировку локальной сирийской силой, лишь по случайному стечению обстоятельств заявившей в одно время о принадлежности к этой террористической организации [25]. Однако в некоторых случаях дело не может быть сведено к разнице интерпретаций, и тогда приходится говорить действительно о сосуществовании нескольких идентичностей в рамках одной организации. Это касается, например, ДАИШ/ИГИЛ, которое может восприниматься и как глобальная сила, и как совокупность территориальных игроков, обладающих собственными стратегиями в каждом отдельном случае.

Наконец, еще один важный момент, побуждающий нас ввести в предложенную типологизацию дополнительные параметры, – это то, что в одни и те же кластеры попадают совершенно разные структуры, например террористические и правозащитные организации.

Параметр 2. Государствоцентричные (*statecentric*) vs геоцентричные (*geocentric*) акторы. Как упоминалось выше, Дж. Най и Р. Кохейн предлагали разделять негосударственных акторов на государствоцентричных и геоцентричных. Это разделение можно было бы уточнить, разбив группу государствоцентричных акторов на несколько категорий.

В первую входят структуры, которые действуют в интересах того или иного государства (не обязательно на его территории), плотно взаимодействуют с государственными институтами и вообще выстраивают свои поведенческие стратегии, исходя из принципа государствоцентризма. Сюда относятся прежде всего разнообразные прокси, как вооруженные, так и нет.

Ко второй категории можно отнести те организации, которые, хотя и действуют в собственных интересах, все же плотно взаимодействуют с конкретными правительствами, так или иначе встраиваясь в предлагаемую систему политических и экономических отношений. Наглядным примером здесь могут служить ТНК. Несмотря на повсеместно бытовавшую еще не так давно среди аналитиков уверенность в фактической независимости крупных корпораций от национальных правительств (один из самых известных случаев – *Exxon Mobil*, которой приписывали способность при необходимости сменять правительства в ряде африканских государств) [26], реальность последних лет показала нечто совсем иное – в ситуации все более ожесточенных санкционных войн даже крупные компании выказывали готовность частично жертвовать своими финансово-экономическими интересами, демонстрируя полную лояльность национальным правительствам и поддержку

их политики. Очевидно, что усиление дискурса государственного суверенитета в связи с пандемией *COVID-19* только усилит эту тенденцию в краткосрочной перспективе [27].

Наконец, к государствоцентричным могут быть отнесены и те игроки, которые, не будучи связаны с конкретными правительствами или даже находясь в противостоянии им, сохраняют государствоориентированное поведение. Некоторые из них — скажем, революционные или освободительные движения — могут воспринимать национальные правительства как своих врагов и стремиться их свергнуть; другие — некоторые протогосударственные акторы — хотят занять их место; третьи, к которым относится локальный криминалитет, пусть даже и обладающий трансграничными связями, действуют в тайниках общественной жизни, куда не заглядывает “око государево”.

Однако все они, сколь бы ни были разнообразны, определяются исключительно в соотношении с конкретным национальным государством, само существование которого и наделяет их *raison d'être*.

По сравнению с этими группами список геоцентричных акторов чрезвычайно краток. К нему могут быть отнесены исключительно те структуры, которые принципиально порывают с государствоцентричной моделью, становясь первыми адептами глобализма. Некоторые из них — как “Аль-Каида” или ДАИШ/ИГИЛ — пытаются разрушить мировую систему, чтобы (теоретически) создать на ее руинах нечто принципиально новое. Другие — как транссахарские криминальные группировки, занимающиеся контрабандной торговлей (сигареты, топливо и др.), похищением и торговлей людьми, — действуют на локальном уровне и не стремятся к осуществлению значимого проекта, однако идентифицируют себя прежде всего не с государствами, а с особой территорией, в данном случае сахарской. Наконец, третьи, напротив, остаются сторонниками глобального мейнстрима, противопоставляя лояльности отдельным государствам лояльность самой идее глобализации. К ним относятся многообразные МНПА (*INGO*), вроде Международной кризисной группы (*ICG*) или Центра гуманитарного диалога (*HD*).

Параметр 3. Цели деятельности (универсальные или специализированные). Предлагая свою типологию, Ф. Тейлор в качестве одного из основных параметров ввел сферу деятельности негосударственных акторов, разделив их на тех, кто специализируется на экономике, безопасности, политике, культуре и идеологии. Подобное разделение естественным образом указывает и на цели деятельности той или иной структуры. Проблема, связанная с таким разделением, заключается, однако, в том, что список выделяемых специализаций мо-

жет быть в той или иной степени произвольным. Сегодня, спустя почти 40 лет после публикации работы Ф. Тейлора, вполне естественным представляется ввести в него экологическую, правозащитную, информационную и экспертную специализации. По всей вероятности, в дальнейшем он будет дополняться и иными категориями.

Вместе с тем некоторые из уже предложенных категорий могут быть пересмотрены. Так, секьюритизация мировой политики, наблюдающаяся в последние годы, уже привела к чрезвычайно широкому толкованию идеи безопасности, превратившейся в общий знаменатель для огромного множества организаций, чья деятельность ранее не считалась относящейся к этой сфере. Характерно в этом отношении, что в опубликованной в 2019 г. российской Концепции безопасности в зоне Персидского залива [28] к вопросам региональной безопасности, которой в перспективе должна заниматься специальная организация, относятся в том числе и сферы экономики и энергетики. Кроме того, в документе упоминаются вопросы регулирования миграционных потоков и гуманитарного сотрудничества. Многие НГА ведут активную деятельность одновременно в нескольких сферах, некоторые из них и вовсе становятся универсальными.

Таким образом, по мере расширения сфер деятельности изначальные цели существования организации становятся все менее очевидными. Характерным примером здесь может служить “Хизбалла”, начинавшая свою историю как военно-политическая группировка, со временем, однако, превратившаяся в политическую партию, которая одновременно активно занимается социальными проектами, бизнесом, ведет медиа-деятельность и, по утверждению некоторых экспертов, также и криминальную [29]. Сказать точно, какая из ипостасей “Хизбаллы” на сегодняшний день главная, а какие играют чисто инструментальную роль, нельзя.

А если сопоставить распределение акторов по критерию цели деятельности с их распределением по принципу отношения к государству, то бросаются в глаза некоторые корреляции.

В сущности, любая структура, заменяющая или стремящаяся заменить как национальное государство вообще, так и конкретную политическую систему, является (реально или потенциально) универсальной. Соответственно, к универсальным относятся наднациональные организации, протогосударственные образования, антисистемные игроки и надгосударственного, и альтергосударственного типа, а также некоторые субгосударственные акторы, транснациональные и локальные.

Основная часть государствоцентричных акторов — по меньшей мере все, относящиеся к первым

двум подгруппам (государствозависимые и партнеры государства – см. табл. 2), – специализированы. Те из них, существование которых прочно связано с каким-либо национальным государством, чаще ориентированы на военно-политическую или культурно-идеологическую деятельность; те же, которые состоят с правительством скорее в партнерских отношениях, в большей степени ориентированы на экономику, социальную или гуманитарную деятельность. В той или иной степени универсальными могут быть (но могут и не быть) либо геоцентричные акторы, либо те игроки, которые сохраняют лишь идейную ориентированность на государство.

Параметр 4. Организация управления. Как можно видеть из анализа деятельности негосударственных

акторов по их целям, меру универсальности определить тем сложнее, чем на более низкий уровень акторов мы спускаемся. В значительной степени это связано с особенностями их управления – степенью его формализации и централизации. Очевидно, что для больших организаций характерна более высокая степень формализации деятельности, чем для маленьких, а для многоцелевых или универсальных – развитая децентрализация.

Структуры, стремящиеся заменить государство (перехватывая его функции на конкретной территории или же в отдельных областях общественной жизни), неизбежно копируют его опыт, создавая схожие механизмы управления. В этом плане интересен опыт исламистских политических движений, в которых по мере их развития, расширения

Таблица 2. Типологизация НГА

	Отношение к государству по функциям			Государствоориентированность		Цели деятельности (У/С) (U/S)	Формализация управления (Ф/НФ) (F/NF)	Централизация управления (НЦ/Ц/ДЦ/Сеть) (NC/C/DC/Network)
	НГА2/SSA (ННА/МПА/ МНПА/АС) (SN/IGO/ INGO/AS)	АГА/ASA (ПГ/Рев/ АС2) (PrS/Rev/ AS2)	ПГА/SSA2 (ТН/Лок) (TN/Loc)	ГЦ/SC (ГЗ/ПГ/ ГОр) (SD/SP/SOr)	ГеоЦ/GC (АС3/Т/ Сист) (AS3/Sh/Sys)			
ЛАГ	МПА			ГЗ		У	Ф	ДЦ
ИГИЛ	АС	АС2			АС	У	Ф	ДЦ/Сеть
ЛНА			Лок	ГЗ/ГОр		С (военно-полит)	Ф	Ц
Братья-мусульмане			ТН	ПГ		У	Ф	ДЦ/Сеть

Примечания.

НГА2/SSA – *suprstate actors* / надгосударственные акторы:

- ННА/SN – *supranational* / наднациональный;
- МПА/IGO – *intergovernmental organization* / межправительственная организация;
- МНПА/INGO – *international nongovernmental organization* / международная неправительственная организация;
- АС/AS – *antisystem* / антисистемный;

АГА/ASA – *alterstate actors* / акторы, альтернативные государствам:

- ПГ/PrS – *protostate* / протогосударственные;
- Рев/Rev – *revolutionary* / революционные;
- АС2/AS2 – *antisystem* / антисистемные;

ПГА/SSA2 – *substate actors* / субгосударственные акторы:

- ТН/TN – *transnational* / транснациональные;
- Лок/Loc – *local* / локальные;

ГЦ/SC – *statecentric* / государствоцентричные:

- ГЗ/SD – *statedependent* / государствозависимые;
- ПГ/SP – *state-partners* / партнеры государства;
- ГОр/SOr – *state-oriented* / государствоориентированные;

ГеоЦ/GC – *geocentric* / геоцентричные:

- АС3/AS3 – *antisystem* / антисистемные;
- Т/Sh – *state-shadow* / действующие в тени государства;
- Сист/Sys – *system-integrated* / интегрированные в систему;

Цели деятельности:

- U/U – *universal* / универсальные;
- S/C – *spetialized* / специализированные;

Формализация управления:

- F/Ф – *formalized* / формализованное;
- NF/НФ – *non-formalized* / неформализованное;

Централизация управления:

- НЦ/NC – *non-centralized* / нецентрализованное;
- Ц/C – *centralized* / централизованное;
- ДЦ/DC – *decentralized* / децентрализованное;
- Сеть/Network – сетевое.

масштабов и диверсификации деятельности все большую роль начинают играть коллективные органы власти — *шура*. Это относится и к “Братьям-мусульманам”, и к тунисской партии “ан-Нахда”, и к некоторым иным партиям и движениям. Иногда это приводит к внутренним конфликтам между лидерами организаций и их окружением, со временем претендующим на все большую власть. Это происходит даже в тех случаях, когда НГА принципиально отвергает саму идею национального государства как таковую. Ярким примером здесь может служить ДАИШ/ИГИЛ, который на фазе своего подъема пришел к созданию аналогов министерств и ведомств, с одной стороны, и к развитию системы региональных органов власти — с другой [30].

Игроки, действующие на локальном уровне и не нуждающиеся в открытом взаимодействии с государством, либо не стремятся к формализации своей деятельности, опираясь на традиции или систему личных взаимосвязей, либо же не раскрывают особенности внутренней организации.

Существует, кроме того, некоторая часть негосударственных акторов, которые осуществляют чрезвычайно масштабную и разнообразную деятельность, умудряясь при этом избегать ее серьезной формализации. К таким структурам может быть отнесено, например, запрещенное в России движение “Хизмет” (последователи Фетхуллага Гюлена, гюленисты). По всей видимости, сохранение акторства в этих случаях оказывается возможным при наличии развитой идеологии и сохранении угрозы извне, заставляющей поддерживать постоянно высокий уровень консолидации.

Лишний параметр. Практика деятельности. Многие авторы, специализирующиеся на изучении ближневосточного региона, сосредоточивают свое внимание на анализе деятельности так называемых “насильственных, или вооруженных негосударственных акторов” (ННГА, или ВНГА; *violent*, или *armed non-state actors*, *VNSA*), противопоставляя их мирным: “В общем негосударственные акторы могут быть разделены на две большие категории: мирные и насильственные. Относящиеся к первой категории наиболее многочисленны” [31, р. 45]. Эту же мысль мы обнаруживаем и в других работах, посвященных ННГА, в том числе у известного специалиста по Ближнему Востоку И.Д. Звягельской. Она предпринимает попытку типологизации негосударственных вооруженных акторов, подразделяя их на два основных типа: “Первая группа — это движения и организации, чьи формирование и укрепление связаны со слабостью государства, неспособного обеспечить безопасность своих граждан и социальные обязательства перед ними, либо с его распадом. Население вынуждено вооружаться, чтобы выжить в сложных обстоятельствах,

ищет возможности присоединиться к любым, даже наиболее радикальным силам, ассоциация с которыми дает надежду на защиту. Появление второй группы акторов связано с отсутствием государства, когда его функции пытаются взять на себя отдельные организации, способные предложить привлекательную повестку дня и обеспечить высокий уровень мобилизации” [32, с. 161].

Некоторые исследователи предлагают более детализированные типологизации ННГА. Так, Ф. Уильямс выделяет среди них полевых командиров (*warlords*), милицию парамилитарес, инсургентов, террористические группировки, криминальные и молодежные банды [33].

При том что выделение ННГА соответствует устоявшейся традиции и может быть полезно в конкретных исследованиях, его методологическую значимость не стоит переоценивать.

Во-первых, использование насилия теми или иными НГА — это давно укоренившаяся в международных отношениях традиция, вовсе не запатентованная теми организациями, которые обычно подразумевают под ближневосточными ННГА. Достаточно вспомнить деятельность католических орденов в средние века, деятельность Ост- и Вест-индских компаний в Новое время, обратить внимание на использование частных армий современными ТНК, работающих в зонах конфликтов, или на деятельность практически любого национального движения. Во-вторых, ни один ННГА не стремится к насилию ради насилия — деятельность каждого из них связана с достижением вполне конкретных политических, экономических, социальных, религиозных, гуманитарных или каких-либо иных целей. Следовательно, их выделение в отдельную категорию производится по латентному признаку. Наконец, в-третьих, большая часть категорий, на которые подразделяются ННГА, далеко не однозначна — на Ближнем Востоке практически все участники региональных отношений периодически обвиняют друг друга в террористической деятельности.

Если посмотреть на ситуацию шире, то, возможно, имеет смысл делить НГА не на использующих насилие и мирных, а на *не оспаривающих* у других акторов (прежде всего государств) их базовые функции, включая монополию на насилие, и *оспаривающих*, и если да, то какие именно. Это, однако, вернет нас к тем параметрам, которые уже были разобраны выше и которые связаны с отношением НГА к государству и со специализацией его деятельности.

Резюмируя предложенную нами типологизацию, мы можем представить ее в виде таблицы, позволяющей формализованно описывать различные параметры НГА на Ближнем Востоке. Возможно, подобный подход в перспективе имело бы смысл применить и к другим регионам (см. табл. 2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Josselin D., Wallace W. *Non-State Actors in World Politics*. London, Palgrave Macmillan UK, 2001. 294 p.
2. Andonova L.B. *Governance entrepreneurs: international organizations and the rise of global public-private partnerships*. Cambridge, Cambridge University Press, 2017. 286 p.
3. Moloney K., Stone D. Beyond the State: Global Policy and Transnational Administration. *International Review of Public Policy*, 2019, no. 1:1, pp. 104-118.
4. Kamel L., ed. *The Frailty of Authority. Borders, Non-State Actors and Power Vacuums in a Changing Middle East*. Rome, Edizioni Nuova Cultura, 2017. 160 p.
5. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики. *Научно-аналитический журнал Обозреватель*, 2013, № 9 (284), сс. 257-265. [Tsygankov P.A. Negosudarstvennye uchastniki mirovoy politiki [Non-State Actors of World Politics]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel*, 2013, no. 9 (284), pp. 257-265.]
6. Calame P. *Non-state Actors and World Governance. Forum for a New World Governance Discussion Paper*, 2008. 23 p.
7. Marrone A., Muti K. Policies and Tools for Dealing with Nonstate Actors. *Carnegie Europe*, 2019. Available at: <https://carnegieeurope.eu/2019/11/28/policies-and-tools-for-dealing-with-nonstate-actors-pub-80441#tableContents> (accessed 30.03.2020).
8. Dalacoura K. Islamist Movements as Non-state Actors and their Relevance to International Relations. Josselin D., Wallace W., eds. *Non-state Actors in World Politics*. London, Palgrave Macmillan, 2001, pp. 235-248.
9. Wolfers A. The Actors in World Politics. Wolfers A., ed. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*, Baltimore, Md: Johns Hopkins Press, 1962. 303 p.
10. Burton J.W. *Systems, States, Diplomacy and Rules*. Cambridge, Cambridge University Press, 1968. 251 p.
11. Rosenau J.N., ed. *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and Systems*. New York, Free Press, 1969. 352 p.
12. Menderhausen H. Transnational Society vs. State Sovereignty. *Kyklos*, 1969, vol. 22, no. 2, pp. 251-275.
13. Nye J.S., Keohane R.O. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*, 1971, vol. 25, no. 3, pp. 329-349.
14. Лебедева М. Акторы в международных отношениях и мировой политике. [Lebedeva M. *Aktory v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i mirovoy politike* [Actors of International Relations and World Politics]] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktory-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-i-mirovoy-politike/> (accessed 30.03.2020).
15. Taylor P. *Nonstate Actors in International Politics: from Transregional to Substate Organizations*. Boulder, Colorado – London, Westview Press, 1984. 268 p.
16. Ligon G.S., Logan M.K. *Antecedents of Organizational Sophistication in Violent Non-State Actors*. Available at: <https://nsiteam.com/social/wp-content/uploads/2020/01/200110-Ligon-and-Logan-Slides.pdf> (accessed 30.03.2020).
17. Hammond A. *Analysis: Saudi Gulf union plan stumbles as wary leaders seek detail*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-gulf-union/analysis-saudi-gulf-union-plan-stumbles-as-wary-leaders-seek-detail-idUSBRE84G0WN20120517#yXXzFWO86KSvvlPV.97> (accessed 30.03.2020).
18. *Интервью авторов с министром иностранных дел Бахрейна Халидом Аль Халифой*. Москва, 2019 г. [Authors' interview with Minister of Foreign Affairs of Bahrain Khalid al Khalifa. Moscow, 2019 (In Russ.)]
19. McMillan M.E. *Fathers and Sons. The Rise and Fall of Political Dynasty in the Middle East*. New York, Palgrave Macmillan, 2013. 163 p.
20. Radpey L. Kurdish Regional Self-rule Administration in Syria: A new Model of Statehood and its Status in International Law Compared to the Kurdistan Regional Government (KRG) in Iraq. *Japanese Journal of Political Science*, 2016, vol. 17, issue 3, pp. 468-488.
21. Palani K., Khidir J., Dechesne M., Bakker E. De facto states engagement with parent states: Kurdistan's engagement with the Iraqi Government. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2020, DOI: 10.1080/13530194.2020.1714429
22. Tilleli E. Le mouvement citoyen de Kabylie. *Pouvoirs*, 2003, no. 3/106, pp.149-162.
23. Ucko D. Militias, tribes and insurgents: The challenge of political reintegration in Iraq Conflict. *Security & Development*, 2008, no. 8:3, pp. 341-373. DOI: 10.1080/14678800802358171
24. Pack O. *Kingdom of Militias. Libya's Second Was of Post-Qadhafi Succession*. Available at: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblcazioni/isp_i_analysis_libya_pack_may_2019_0.pdf (accessed 30.03.2020).
25. Al-Tamimi A.J. *From Jabhat al-Nusra to Hay'at Tahrir al-Sham: Evolution, Approach and Future*. Available at: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=8cfa4cdb-e337-820d-d0bd-4cd998f38612&groupId=252038 (accessed 30.03.2020).
26. Panić M. Transnational Corporations and the Nation State. Kozul-Wright R., Rowthorn R., eds. *Transnational Corporations and the Global Economy*. London, Palgrave Macmillan, 1998, pp. 244-276.
27. Крастев И. Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса. [Krastev I. Sem' pervykh urokov global'nogo koronavirusnogo krizisa [The First Seven Lessons of the Global Coronavirus Crisis]] Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa/> (accessed 30.03.2020).
28. *О российской Концепции обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива*. [About Russia's Security Concept for the Gulf Area (In Russ.)] Available at: https://www.mid.ru/rossijskaa-konceptcia-kollektivnoj-bezopasnosti-v-zone-persidskogo-zaliva/-/asset_publisher/2lVdNGBn6g2B/content/id/3733575 (accessed 30.03.2020).

29. Levitt M. *Hezbollah as a Criminal Organisation*. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/hezbollah-as-a-criminal-organisation> (accessed 30.03.2020).
30. Ligon G., Harms M., Crowe J. et al. ISIL: Branding, Leadership Culture and Lethal Attraction. *Report to the Office of University Programs, Science and Technology Directorate, U.S. Department of Homeland Security*. November, 2014. Available at: https://www.start.umd.edu/pubs/START_ISIL%20Branding%20Leadership%20Culture%20and%20Lethal%20Attraction_Ligon_Nov2014.pdf
31. Elbahy R. Detering violent non-state actors: dilemmas and implications. *Journal of Humanities and Applied Social Sciences*, 2019, vol. 1, no. 1, pp. 43-54.
32. Звягельская И.Д. *Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении*. Москва, Аспект Пресс, 2019. 224 с. [Zvyagelskaya I.D. *Blizhnii Vostok i Tsentral'naya Aziya. Globalnye trendy v regional'nom ispolnenii* [Middle East and Central Asia. Global Trends in Regional Versions]. Moscow, Aspekt Press, 2019. 224 p.]
33. Williams P. *Violent non-state actors and national and international security*. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/93880/VNSAs.pdf> (accessed 30.03.2020).

ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF NON-STATE ACTORS IN THE MIDDLE EAST

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 6, pp. 104-113)

Received 03.04.2020.

Vitaly V. NAUMKIN (vinaumkin@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Vasily A. KUZNETSOV (vasiakuznets@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Agreeing with researchers who consider the expansion of non-state actors' influence in world politics a common widespread tendency, the authors investigate existing approaches to NSA categorization and underline certain characteristics of these approaches. Firstly, non-state actors are researched apophatically, negatively, as structures characterized solely as not being actual states and governments. Secondly, NSA are defined as bodies acting only in the international context. Last but not least, they must have formalized structures and clearly set goals. The authors conclude that existing categorizations generally fail to represent the empirical reality that researchers of Middle Eastern issues see regularly. The authors use P. Taylor's renowned method to create their own typology, including new criteria, such as: functional correlation between non-state actors and states, allowing to distinguish between supstate, alterstate and substate actors; actors' orientation towards state, allowing to divide them into statecentric and geocentric ones; their goals, either universal or specific; administration systems that may have different grades of formalization and centralization. Meanwhile, such criteria are viewed as practical actions and the level of violence used by non-state actors – as superficial. Researching each parameter, the authors give examples of various NSA functioning in the Middle East. The article is concluded by a categorizing table which includes specific examples of Middle Eastern non-state actors.

Keywords: non-state actors, Middle East, Islamism, regional relations in the Middle East.

About authors:

Vitaly V. NAUMKIN, Doctor of History, Academician of RAS, Principal Researcher.

Vasily A. KUZNETSOV, Candidate of History, Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113